

2207

«СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ»

«Человеку нужна такая жизнь...»

К 120-летию со дня рождения А. П. Чехова

ИХ БЫЛО пять братьев. И все пятеро талантливы. Но один талантливее других, и его имя стали упоминать рядом с именами Достоевского, Тургенева, Толстого. По этому поводу один из братьев, Александр, говорил с усмешкой: «все и везде меня рекомендуют знакомым, как брата знаменитого Чехова, и советовал: «сверши я подвиг, опять скажут: это знаете, кто совершил? — Брат того знаменитого... Попробуй умереть! Впрочем, и это не поможет. Тогда, пожалуй, будет еще хуже: я превращусь в «брата покойного великого писателя!»

А ведь было время, когда он, Александр Павлович Чехов, давал брату советы, как писать рассказы. На всякий случай успокаивал: «Если же чувствуешь, что твой талант иссякнет, то переезжай ко мне: буду кормить, на то я — старший брат!».

Никто в первое время не верил в талант Антона Чехова, в том числе и он сам. «Все мои близкие, — писал он Д. В. Григоровичу, — всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье».

Я листаю комплекты тонких юмористических журналов 80-х годов прошлого века. В них и сотрудничал Чехов. Вернее, Антоша Чехонте, «Человек без селезенки», «Брат моего брата» — так подписывал он свои многочисленные миниатюры. Все эти журнальчики — сплошное зубокальство по поводу неверных жен, насмешки над обманутыми мужьями, пьяными купцами и туповатыми офицерами. Чехова все это угнетало, выводило из себя. Сколько раз жаловался он на вечное «поспеть к сроку»! Но он поспевал, «обслуживая» в первые годы своей литературной деятельности десятки московских, петербургских газет и журналов.

Потом все изменилось. Молодой автор, привыкший выпускать через день по рассказу, вдруг резко сокращает «выдачу печатной продукции». Если в 1885 году он написал 130 рассказов, в 1886 — 115, то в следующем — только 70, а в 1889 — всего лишь двенадцать! И это были уже не быстрые, написанные «пожарным» методом рассказы. Чехов начал создавать произведения, безоговорочно зачисленные позднее в классику.

О результате труда гения лучше всего судят последующие поколения. У Чехова этот результат таков: миллионные тиражи книг, великая армия артистов, переигравших все роли в его драмах, нескончаемый поток исследователей его жизни и творчества.

Читателей Чехова поражало особенное видение им жизни — в ярких конкретных деталях. Константин Сергеевич Станиславский, репетировавший роль в «Чайке», обратился однажды к Чехову с вопросом: как лучше раскрыть характер Тригорина? Однако вместо ожидаемого им полного и детального разъяснения Чехов, взглянув на Станиславского-Тригорина, заявил: — Надо дырявые башмаки и брюки в клетку.

Такой ответ несколько обескуражил Станиславского. Репетируя роль столичного писателя, он делал все наоборот

— надевал самый элегантный костюм, туфли, делал красивый грим. А Чехов, вместо того, чтобы разъяснить существенные стороны образа, указал на отдельные его штрихи, детали. «И он всегда так высказывал свои замечания: образно и кратко», — вспоминал К. С. Станиславский.

Как-то Чехов заметил в письме к брату, что краткость — сестра таланта. Но при этом неоднократно указывал, что не всякая краткость есть талант. Краткость в произведении искусства всегда идет рука об руку с яркостью, образностью. Не раз упрекал он молодых и малоопытных писателей за излишество в их произведениях мелких подробностей. Один из своих рассказов прислала Чехову Е. М. Шаврова. Герой его — врач. Антон Павлович остался недоволен произведением, и среди ряда замечаний сделал такое:

«Вы, — пишет он, — упустили из виду также, что хорошим гинекологом не может быть глупый человек или посредственность. Ум, хотя бы семинарский, блещит ярче, чем лысина, а Вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт».

Сам же Чехов был к себе беспощаден: передумывал, переписывал, перечеркивал написанное. Той же Шавровой он писал: «Я занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю».

Чехов свято верил в грядущую «очистительную грозу». Об этой вере в газете «Бессарабское обозрение» В. В. Воронский писал в статье, опубликованной 17 января 1910 года: «в последние годы своей жизни и творчества Антон Павлович Чехов прозревал надвигающееся новое. «Будьте свободны, как ветер!», — призывал он. К его голосу прислушивались, его цитировали, чувствовали как борца с рутинной и мещанством».

В Молдавии Чехов, как и повсюду, получил признание еще при жизни. Достаточно пересмотреть его переписку, в которой встретишь среди адресатов жителей Кишинева, Тирасполя, Оргеева. Артисты вспоминают, с каким успехом шли в Бессарабии его пьесы. О его творчестве не раз писали газеты «Бессарабская жизнь», «Новый голос Кишинева», «Бессарабские губернские ведомости».

...Как-то в букинистическом магазине я приобрел одну интересную книгу — «Чеховский юбилейный сборник», изданный в 1910 году. Особенно привлекли меня в этой книге крылатые слова — афоризмы А. П. Чехова. Выбранные из его произведений, они не все, конечно, выражали личные взгляды писателя. Но все составляли задуматься, соотнести их с жизнью. Вот некоторые из них:

«Говорят, что философы и истинные мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие — это паралич души, преждевременная смерть».

«Следующим поколениям будет легче и виднее: к их услугам будет наш опыт. Но ведь хочется жить независимо от будущих поколений и не только для них. Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво».

«Гуманитарные науки тогда только будут удовлетворять человеческую мысль, когда в движении своем они встретятся с точными науками и пойдут с ними рядом».

А вот еще мысль, одна из самых пророческих:

«Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец».

Б. ЧЕЛЫШЕВ,

доцент Тираспольского педагогического института имени Т. Г. Шевченко.